

ОЛОТЫЕ РУКИ БУРЯТСКОЙ ЧЕКАНЩИЦЫ

ДАН-УДЗ, 14 октября. (ТАСС). В экспозиции прикладного искусства Бурятского художественного музея много чудесных вещей: браслеты, серьги, кулонь, цепочки. Они сделаны из серебра, золота, кости, рога и позолочены тончайшими узорами и рисунками в национальном стиле. Жюстители музея восхищаются мастером и тщательностью исполнения и вспоминают о мастеров. Все они сделаны из Лубзинской Легитимной — единственной бурятской чеканщицей далекого Закаменского района. Любовь и страсть к художественному творчеству она унаследовала от Лубзинской Лоракиевой, широко известной в свое время мастера чеканки.

В нынешнем году в Москве состоялся доклад о бурятском искусстве и культуры. Среди экспонатов выставки прикладного искусства москвичи увидят многие изделия, выполненные «золотыми руками» бурятской чеканщицы.

Режиссер покидает театр...

ЕЖЕГОДНОЕ перемещение режиссеров из театра в театр, первый взгляд, вопрос чисто организационный, а на самом деле он чисто творческий.

Известно, что из любой коллекции, состоящей из театральных, пагубных и художественных кадров. Когда же речь идет о переделках с места на место подчиненных работников, в частности главных режиссеров, вопрос приобретает особую оструту и актуальность. Ведь именно режиссеры должны прежде всего формировать творческое, индивидуальное лицо труппового коллектива.

Хорошо подумать, потому получается, что десятки лет работает в театре режиссер и друг... уезжает в другой город. Чем объяснят, например, что режиссер В. Галицкий изского театра уехал в куйбышевский, а затем оставил и его?

Шишгин покинул сталинградский коллектив ради воронежского, пополнился же воронежским театром. М. Герйт переехал в горьковский, в Покровск из г. Горького — Сталинград. Г. Георгиевский из куйбышевского театра перешел в воронежский, а потом уехал в Калинин...

Не секрет, что только в РСФСР ежегодно перемещается около ста самых и очредных режиссеров. Ежегодно, все они испытывают какую-то неудовлетворенность. На чем основана? На разногласиях с министром? С директором? Объяснить отсутствием политики полно-

тило бы формулировать все причины, неизменно тому или иному режиссеру надлежало сказать свою творческую судьбу с каким-либо определенным коллективом. Среди этих причин могут быть сугубо личные, случайные. Однако ясно, что такая практика режиссеров отрицательно сказывается на жизни театров. Поэтому следует называть хотя бы некоторые из причин, порождающих этикета режиссерских кадров, сказать о тех недостатках, которые приводят к разрывам режиссеру.

Кстати сказать, часто из числа наиболее известных в труппе авторов работники министерства изы-

дают человека, никогда не занимавшегося режиссером, и поручают ему руководство театром. Спору нет, опытные мастера сцены могут с годами обнаружить себе и независимые режиссерские способности. Пример тому немало. Но слишком часто новичок глядящего режиссера оказывается для них беспомощным. Практика же этого хорошего не проясняется даже в том случае, когда М. Романов руководил Театром имени Леси Украинки, А. Никитин — Государственным театром имени Горького...

Но, что грех таить, в театре приходит руководитель, с моделью которого коллектив соглашается просто не может. Вот они, правда, к стасису, редкий, пример. Тот же новый режиссер, взят для постановки «Жуком-Лилю», тут же просыпается во Всероссийское театральное общество телеграмму: просит выслать «режиссерский комментарий». Позывает им ее, прочтет, посмотрит фотографии из всей жизни. Складывается она не только из спектаклей самого М. Крупинского, но и А. Дубовика, и А. Глаголина, и других режиссеров. Но вот М. Крупинский уходит из коллектива, театр несколько лет остается без руководителя. Сейчас на его афише уже может прочесть: «Художественный руководитель А. Сердюк», главный режиссер Б. Норд. Станавший в прошлые годы в этом же театре письмо Остропольского, Горького, Корнеячука, Галицкого, режиссер Норд заражен доверием к такому режиссеру, которому было дано право на руководство. Коллектив же шефствующий, в том числе и автор А. Сердюк, воспитан в романтических традициях режиссеры М. Крупинского. Используется, что во главе театра стоит два различных по стилю руководителя.

Часто говорят, что режиссер перешел в другой театр потому, что «не пришли» актеры. Нельзя допустить, чтобы коллектив благосклонно принимал только руководителей, проявлявших беспристрастие и художественную беспомощность или наивных на поэзию у группы актеров. Кстати сказать, часто из числа наиболее известных в труппе авторов работники министерства изы-

дают человека, никогда не занимавшегося художественным руководством.

Таким образом, труде заставить авторитет и уважение коллектива, и они часто меняют места работы. Ими ищут немало и таких случаев, когда переходят из театра в театр режиссеры талантливые, способные. Им, конечно, нужна обстановка для творческой деятельности, она хотят найти более интересный коллектив, иногда им хочется просто «сбежать»...

Но, может быть, есть возможность так строить дела, чтобы режиссер мог расти вместе с коллективом, вместе со своим театром? Может быть, тогда отпадет проблема, уже не первый год мешающая нашим театрам, и окончательно решится вопрос: режиссера ли должна формировать коллектива или актеры полностью подчиняться творческим руководителям?

Б. ПОЮРОВСКИЙ.

На снимке: художник И. Н. Синицын (занимавшийся «Подводной съемкой» Ирикунской ГЭС).
Foto B. ГЛЕБОВОЙ.

ОТВЕТЫ И ОТКЛИКИ

Не раз просили Министерство...

Так называемый опубликованный в № 112 (1952) «Советской культуры» письмом директора Хабаровской краевой кинотеатрально-пространственной школы А. П. Пересецкого, в котором он обращался к Министерству культуры РСФСР, не оправдывалось на просьбы школы об открытии учебно-исследовательского пункта, расположенного в Хабаровске, с программами, контролируемыми заданиями, методическими материалами и т. д.

Министерство культуры РСФСР сообщило в письме, что благовещенская школа, имеющая в своем распоряжении учебно-исследовательский пункт, школе направлено однодневный курс на механическую подготовку кадров для научного отделения и воспитания для библиотечного и тематического планов. Хабаровская школа будет послана семья издаваемой ученическими и учебными пособиями.

«СОЛНЦЕ? — ИЗЪЯТЬ НЕМЕДЛЕННО!»

КТО бы мог подумать, что эти простые песенки вызовут такое симпатию среди почитателей чиновников... Да, кто бы мог подумать!

Но сначала наложили фильтры — коротко и ясно, с протокольной обметкой.

Дело в том, что 17 октября Уральский народный хор под управлением Г. Вереник начинает свою выступление в Федоровской Республике Германия. За десять дней до начала гастролей г-н Маттиэр встретился в Берлине с руководителями хоров. При этой встрече он передал директору хора В. Писицкому распоряжение министерства иностранных дел ФРГ об отзывах из концертной программы двух песен:

1. «За мир и дружбу» (слова П. Тычинин, музыка Г. Вереник).

2. «Про японскую brigadу трактористов» (слова П. Тычинин, музыка А. Филиппенко).

Изумленный директор хора спросил г-на Маттиера: «Как, разве вы против мира и дружбы?»

Г-н Маттиэр ответил: «Нет, это предположение, что чиновники, затраченные песенами, вспыхнут, как пожары. Но я же не могу забыть, что наша радость кого-то пугает, мы уже обгорели, как погань. Пусть она погаснет...»

В дальнейшем недоумение приводит к тому, что песни неизвестны даже представителям министерства, никаких разъяснений нет.

В первом строфе стrophe говорится, что народы сходятся в единении: дружбы, подают один другому руку, и нет ничего лучше для счастья человеческого, как жизнь в мире. «Счастье в правде, в добре, в сазе, в творчестве людей». Кому это могло понравиться?

Нельзя же предположить, что чиновники, затраченные песенами, вспыхнут, как пожары.

Песни радостью живут, мы уже обгорели, как погань. Пусть она погаснет...

В третьем строфе чиновники говорят, что люди обновляются в труде, что к жиже для всех одна дорога, одна привнесет радость и детям, и матери. Но мог ли кто-то ожидал, что гости из нашей страны начнут воспешать пути, ведущие к войне?

Что если там встретятся сильные энтузиасты по адресу противников мира, то это не приятно.

Перечитывая эти строфы снова и снова, я никак не вижу鲛ю, что оно предположение: «Солнце светит, солнце мира и дружбы».

Первым тропами вместе со строителями и дорожниками прошли художники из Байкала до Братска.

«Мы — братские! Это значит трудом землю, а также и дружбой, а также и любовью, а также и радостью».

Чиновники посыпают песок, слово за слово — ничего, ни одного алкогольного.

Вот и пойти тут, как умудрился кто-то вымыкать здесь тайный подвал.

Пришло нам в голову, что это означает, что гости из нашей страны, как и мы, хотят поддержать дух патриотизма.

Первые тропами вместе со строителями и дорожниками прошли художники из Байкала до Братска.

«Мы — братские! Это значит трудом землю, а также и дружбой, а также и любовью, а также и радостью».

Чиновники посыпают песок, слово за слово — ничего, ни одного алкогольного.

Вот и пойти тут, как умудрился кто-то вымыкать здесь тайный подвал.

Пришло нам в голову, что это означает, что гости из нашей страны, как и мы, хотят поддержать дух патриотизма.

Перечитывая эти строфы снова и снова, я никак не вижу鲛ю, что оно предположение: «Солнце светит, солнце мира и дружбы».

Перечитывая эти строфы снова и снова, я никак не вижу鲛ю, что оно предположение: «Солнце светит, солнце мира и дружбы».

Перечитывая эти строфы снова и снова, я никак не вижу鲛ю, что оно предположение: «Солнце светит, солнце мира и дружбы».

Перечитывая эти строфы снова и снова, я никак не вижу鲛ю, что оно предположение: «Солнце светит, солнце мира и дружбы».

Перечитывая эти строфы снова и снова, я никак не вижу鲛ю, что оно предположение: «Солнце светит, солнце мира и дружбы».

Перечитывая эти строфы снова и снова, я никак не вижу鲛ю, что оно предположение: «Солнце светит, солнце мира и дружбы».

Перечитывая эти строфы снова и снова, я никак не вижу鲛ю, что оно предположение: «Солнце светит, солнце мира и дружбы».

Перечитывая эти строфы снова и снова, я никак не вижу鲛ю, что оно предположение: «Солнце светит, солнце мира и дружбы».

Перечитывая эти строфы снова и снова, я никак не вижу鲛ю, что оно предположение: «Солнце светит, солнце мира и дружбы».

Перечитывая эти строфы снова и снова, я никак не вижу鲛ю, что оно предположение: «Солнце светит, солнце мира и дружбы».

Перечитывая эти строфы снова и снова, я никак не вижу鲛ю, что оно предположение: «Солнце светит, солнце мира и дружбы».

Перечитывая эти строфы снова и снова, я никак не вижу鲛ю, что оно предположение: «Солнце светит, солнце мира и дружбы».

Перечитывая эти строфы снова и снова, я никак не вижу鲛ю, что оно предположение: «Солнце светит, солнце мира и дружбы».

Перечитывая эти строфы снова и снова, я никак не вижу鲛ю, что оно предположение: «Солнце светит, солнце мира и дружбы».

Перечитывая эти строфы снова и снова, я никак не вижу鲛ю, что оно предположение: «Солнце светит, солнце мира и дружбы».

Перечитывая эти строфы снова и снова, я никак не вижу鲛ю, что оно предположение: «Солнце светит, солнце мира и дружбы».

Перечитывая эти строфы снова и снова, я никак не вижу鲛ю, что оно предположение: «Солнце светит, солнце мира и дружбы».

Перечитывая эти строфы снова и снова, я никак не вижу鲛ю, что оно предположение: «Солнце светит, солнце мира и дружбы».

Перечитывая эти строфы снова и снова, я никак не вижу鲛ю, что оно предположение: «Солнце светит, солнце мира и дружбы».

Перечитывая эти строфы снова и снова, я никак не вижу鲛ю, что оно предположение: «Солнце светит, солнце мира и дружбы».

Перечитывая эти строфы снова и снова, я никак не вижу鲛ю, что оно предположение: «Солнце светит, солнце мира и дружбы».

Перечитывая эти строфы снова и снова, я никак не вижу鲛ю, что оно предположение: «Солнце светит, солнце мира и дружбы».

Перечитывая эти строфы снова и снова, я никак не вижу鲛ю, что оно предположение: «Солнце светит, солнце мира и дружбы».

Перечитывая эти строфы снова и снова, я никак не вижу鲛ю, что оно предположение: «Солнце светит, солнце мира и дружбы».

Перечитывая эти строфы снова и снова, я никак не вижу鲛ю, что оно предположение: «Солнце светит, солнце мира и дружбы».

Перечитывая эти строфы снова и снова, я никак не вижу鲛ю, что оно предположение: «Солнце светит, солнце мира и дружбы».

Перечитывая эти строфы снова и снова, я никак не вижу鲛ю, что оно предположение: «Солнце светит, солнце мира и дружбы».

Перечитывая эти строфы снова и снова, я никак не вижу鲛ю, что оно предположение: «Солнце светит, солнце мира и дружбы».

Перечитывая эти строфы снова и снова, я никак не вижу鲛ю, что оно предположение: «Солнце светит, солнце мира и дружбы».

Перечитывая эти строфы снова и снова, я никак не вижу鲛ю, что оно предположение: «Солнце светит, солнце мира и дружбы».

Перечитывая эти строфы снова и снова, я никак не вижу鲛ю, что оно предположение: «Солнце светит, солнце мира и дружбы».

Перечитывая эти строфы снова и снова, я никак не вижу鲛ю, что оно предположение: «Солнце светит, солнце мира и дружбы».

Перечитывая эти строфы снова и снова, я никак не вижу鲛ю, что оно предположение: «Солнце светит, солнце мира и дружбы».

Перечитывая эти строфы снова и снова, я никак не вижу鲛ю, что оно предположение: «Солнце светит, солнце мира и дружбы».

Перечитывая эти строфы снова и снова, я никак не вижу鲛ю, что оно предположение: «Солнце светит, солнце мира и дружбы».

Перечитывая эти строфы снова и снова, я никак не вижу鲛ю, что оно предположение: «Солнце светит, солнце мира и дружбы».

